

Неугомонный гений

Москва, правба - 1995 - 28 страниц - 46

СТРАНИЦА ИСТОРИИ

29 сентября Дом-музей К.С.Станиславского - великого реформатора русской сцены - будет отмечать 60-летие со дня открытия последней оперно-драматической студии, созданной великим мастером и руководимой им до последних дней своей жизни. Мы предлагаем нашим читателям воспоминания об этом времени Николая Александровича РОКСАНОВА - актера, режиссера, театрального деятеля, в те годы одного из участников студии.

Год 1935-й. Москва. Малая сцена МХАТ. Станиславский. Его еще нет... Только начались собеседования с желающими поступить в его студию - Оперно-драматическую студию К.С.Станиславского. Их много! Десятки, сотни, тысячи! Во главе приемной комиссии сестра Станиславского - Зинаида Сергеевна Соколова. Человек необыкновенного обаяния, доброжелательная, излучающая ласку и приветливость... Через минуту общения с ней улетучиваются страхи, зажатость, на ее вопросы отвечаешь свободно, даже о самых сокровенных своих мечтах о театре. Приемные испытания, пробные уроки. Потом перерыв до осени для допущенных к конкурсу. В сентябре еще два конкурса.

Сколько сил, сколько бессонных ночей, нервов потрачено за это время. И прав был Александр Галич, тогда Саша Гинзбург, когда, вспоминая о том времени, писал: «Конкурс был немислимый - сто человек на одно место. Приемные испытания проводились в четыре тура, причем с каждым туром экзаменаторы были все более знаменитыми и все более строгими...». И вот все это позади.

Тридцать счастливчиков, оказавшихся в списке принятых на драматическое отделение, а с ними еще двадцать, зачисленных на оперное отделение, появились в итоге:

29 сентября 1935 года - первый день занятий. Константин Сергеевич говорил, что оперным певцам не хватает драмы, а драматическим - музыкальности в слове и речи. Он верил, что общение студийцев двух отделений поможет им в творчестве. «Счастливицы» - называли нас тогда. И мы действительно были ими. Мы оказались в окружении людей, с встречах с которыми можно было только мечтать: Нежданова, Лилина, Леонидов, Москвин, Голванов, Соколова, Андровская, Орлов, Кнебель, Гукова... И над ними как эталон искусства - Станиславский.

Почему же Станиславский, с пavorным здоровьем, имея мировое признание, создатель Художественного и музыкального театров, знаменитый актер и режиссер, автор многочисленных трудов о театре, создатель «системы», достигший, казалось, всего, пришел к необходимости открытия студии, которая - он понимал - отнимет у него массу сил, энергии и времени?

Главная причина - неугомонность гения. Постоянная неудовлетворенность достигнутым. Нет предела для совершенства - вот что двигало им и чему он следовал.

Станиславскому для того, чтобы жить, чтобы дышать воздухом театра, нужны были люди, безгранично верящие и доверяющие ему, отдающие не только свои устремления и мечты, но и души. Он нашел это в нас - в студийцах и в наших учителях. В годы, предшествующие открытию студии, Станиславский страдал от отчужденности, которой веяло на него со стороны театра. Об этом вспоминали в своих записках старей-

шие, действенный анализ роли. От «хочу»: хочу добиться, хочу рассмотреть, хочу взглядеться и т.п., он пришел к непосредственному действию: добиваясь, рассматривая, глядясь и т.д. Он говорил, что «если сцену отгородить от зрителей непроницаемым для звука стеклом, то по линии поведения актера, его действий, пристройкам можно было бы понять все происходящее на сцене».

Мне, как ученику студии, посчастливилось быть не только свидетелем, но и участником исканий и экспериментов по освоению его метода физических действий. Вспоминая о показе «Трех сестер», выдающийся режиссер Б.А.Покровский тогда студент режиссерского факультета ГИТИСа, в журнале «Музыкальная жизнь» за 1984 год вспоминал: «В студии явно творилось театральное чудо. Мальчики и девочки, вызывающие в нас зависть, сыграли Чехова так,

Станиславского интересно все. Не только студия и театр, но и то, что происходило вокруг. Он встречался с Таней Федоровой, знатной метростроевкой, о которой много говорили тогда в советской печати, с режиссерами периферийных театров, Мэй-Лань Фанем, Марианом Андерсоном, а когда В.Э.Мейерхольд попал в опалу и многие его сподвижники по театру отвернулись от него, Станиславский не побоялся протянуть ему руку и, пригласив к себе, предложил работу в музыкальном театре. Об этом тогда наш режиссер Б.И.Равенских говорил: «Я потряслся мужеству Станиславского, его мудрости, честности его, чистоте Человека и Художника!».

Все это видели и мы, чувствовали, и на том произрастали и формировались наше мировоззрение и духовность.

И не случайно, когда началась война, ушли на фронт добровольцами некоторые из студийцев, вместе со всем народом вставшие в ряды защитников Родины. В годовщину 50-летия Победы в Великой Отечественной войне хочется назвать их имена, не только живых, но и мертвых: Напалков, Леонидов, Зиновьев, Рево, Лифанов, Беспалов, Глебов, Роксанов, Кругляк. Даже Шура Давиденко, девушка, нашла свое место среди защитников Отечества.

За два месяца до смерти Станиславский, после моего с Лизочкой Мирской показа отрывка из комедии Бомарше «Севильский цирюльник», пригласил нас к себе. Беседа продолжалась около пяти часов! Прощаясь в дверях своего кабинета, он сказал: «Идите и рассказывайте всем, что такое физическое действие. Есть еще и в студии, и в театре люди, кто не верят в него, считают моей причудой. И мне странно, что они не понимают чудодейственной силы метода физических действий. Вы полюбили его, я вижу это, увлечены им и сумеете своей влюбленностью в него заразить сомневающихся...». Ошеломленный и потрясенный его приемом, его отношением к тогда совсем молодому, неопытному юнцу, я мечтал, что мы, его студийцы, еще не раз порадуем нашего Учителя своими работами. Но... Это была последняя встреча с живым Станиславским. 7 августа 1938 года Константина Сергеевича не стало.

Станиславский был непревзойденным эталоном служения искусству. Вся свою жизнь он был верен себе, тем творческим и моральным идеалам, составлявшим его существо, которые он воспитывал в своих учениках. Много, ох как много надо приложить усилий и таланта, чтобы воскресить то, что ушло вместе с ним и преданными ему учениками и преподавателями... Но это уже другая область, не имеющая прямого отношения к дате, которой посвящаются данные воспоминания.

Николай РОКСАНОВ.

На снимках: К.С.Станиславский с сестрой З.С.Соколовой на уроке.

шая актриса Художественного театра С.С.Пилявская и театровед Н.Н.Чушкин, с которым у Станиславского были самые дружеские отношения. О том же говорил и знаменитый актер Л.М.Леонидов: «Он гечен, как пирамида, как Микеланджело, Рафаэль, Данте, Бетховен. Он одинок, не понят!». В письме к М.П.Лилиной в Париж, где она находилась в то время на лечении, Станиславский писал: «Только студия пока радуется... Работа там идет вовсю!... На что Лилина ему отвечала: «Уйди в школу и систему. Там у тебя есть хоть немного радости». Вот что значила для Станиславского созданная им студия!

С того памятного сентября 35-го года, когда мы получили право называться учениками Станиславского, целых три последующих года он был неразлучно с нами. В студии были сосредоточены его устремления, в работе с учениками он проверял свои поиски и достижения в области совершенствования внутренней и внешней техники актера, практически утверждая метод физических действий. Его собственная «система», которую мы изучали в первый год занятий, ее внутренние элементы вскоре стали для Станиславского пройденным этапом. Не куски и задания являлись определяющими в работе над отрывком и ролью, а дейст-

ва не играли в то время нигде. Мхатовские спектакли после их показа казались устаревшими и фальшивыми. Это был новый театр!». Помню, как после одного из показов Станиславский сказал: «Пусть теперь мне кто скажет, что то, что я предлагаю сейчас, ерунда. Я убежден, что только так и надо работать с актером!».

В последние месяцы своей жизни Константин Сергеевич особенно много уделял внимания студии. Казалось, все его желания, все устремления были сосредоточены на ней. И ни небывалая жара, установившаяся в Москве уже в мае того далекого 38-го года, ни возраст, ни усталость не останавливали его. Он встречался со студийцами чуть ли не ежедневно! В дни показов работ студии «оневский» зал в особняке Лентьевского не мог вместить всех желающих, пришедших познакомиться с результатами воплощения на практике «чудодейственного» метода. Стены дома заполнялись музыкой, пением, зрителей заставляли жить радостями и горестями героев пьес Чехова, Шекспира, Найденова... И надо было видеть тогда лицо Станиславского, его реакцию на происходящее перед ним «действие»! Его лицо, его глаза, его слезы, когда Баттерфляй прощалась с сыном, отдавая его Пинкертону! Все это незабываемо. На всю жизнь...